

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

О.Н. ЯНИЦКИЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье анализируются некоторые теоретические вопросы, касающиеся содержания и форм производства социального капитала российского экологического движения. Релятивность этого капитала, различия между коллективными и индивидуальными способами его производства, первичная экоструктура как базовый механизм производства и накопления индивидуального капитала, его эволюция при переходе от первого ко второму модерну — вот круг рассматриваемых в статье проблем. Автор заключает, что сетевой способ функционирования этого капитала становится всеобщим принципом его накопления.

Ключевые слова: гражданское общество, экологическое движение, индивид, первичная экоструктура, социальный капитал, его производство и аккумуляция, Россия.

Проблема

Суть и способы производства социального капитала гражданского общества, в частности того, который производится общественными движениями, включая экологические, женские, самоуправления и др., обсуждается в отечественной и еще более интенсивно в зарубежной социологической литературе [2, 9-11]. Особенно широко дискутируется проблема сетей как носителя этого капитала [15, 22, 18]. В данном случае я трактую гражданское общество в узком смысле, как некоторую подструктуру общества, которая объединяет добровольные сообщества, группы, ассоциации и стремится оказать влияние на базовые ценности и политические цели общества, но не участвует в

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: (499) 128-86-76. **Электронная почта:** yanitsky@mtu-net.ru

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Природоохранные сети России: структура, функции, человеческий капитал», грант № 09-06-00061а.

принятии собственно политических решений и их реализации. Гражданское общество развивается от «эмбрионального» состояния (как «вещь в себе», по К. Марксу) через мобилизацию к институционализации. В России примером такой эволюции является движение от «неформалов» через ряд массовых кампаний протеста к институционализации в форме некоммерческих и общественных организаций и федеральной и местных общественных палат. Сходная точка зрения развивалась в 1990-е гг. рядом американских и европейских исследователей [24, 20].

Однако, по моему мнению, три ключевых — теоретических и одновременно практических — вопроса остаются пока без должного внимания: (1) о релятивности любых определений социального капитала; (2) о соотношении индивидуального и общественного социального капитала и (3) о динамике этого капитала в условиях *постмодерна*, перехода России к информационному обществу.

Под экологическим капиталом общественного движения как капиталом социальным я понимаю совокупность знаний, навыков и социальных практик, (вос)производящихся в социальных сетях. Это производство направлено на экологизацию общества, его экономики, политики и культуры. Экологический капитал есть одновременно *ресурс* актора и общества в целом.

Очевидно, что производство и распространение этого капитала в условиях потребительски ориентированного общества наиболее проблематично в силу противоположности потребительской и экологической парадигм развития общества [14]. Между тем развитые страны даже в условиях нынешнего экономического кризиса направляют интеллектуальные усилия и значительные финансовые средства на экологизацию экономики и институциональных систем (см., например [19]). Необходимость экологизировать капиталистическую систему и мышление власть предержащих активно дискутируется сегодня социологами развитого мира (см., например, дискуссию о социальных последствиях глобального изменения климата в журнале *Current Sociology*. 2008. Vol. 56. No 3, May). Панельное исследование, проводившееся в 20 странах мира в течение 20 лет, показало, что чем больше международных неправительственных экологических организаций работает в данной стране, тем ниже уровень загрязнения ее вод [17].

Релятивная сущность социального капитала

Практически все авторы сходятся во мнении, что социальный капитал производится, сохраняется и распространяется в социальных сетях. Однако любой экономист или социолог скажет, что *ценность* (стоимость) всякого продукта общественного труда, материального, интеллектуального или административного ресурса *относительна*.

Она зависит от качества самого продукта (ресурса), его потребительской стоимости, рекламы и многих других внутренних и внешних обстоятельств. В действительности все еще сложнее.

Дело в том, что социального капитала «вообще» — не существует. Он может существовать только как *актуальный капитал*, то есть произведенный в (со)обществе определенного типа и доступный индивидам и группам в зависимости от типа этого (со)общества. Для примера рассмотрим такой общепризнанный социальный капитал, как образование. Оно может быть формальным («корочки») или действительным, передовым или устаревшим, доступным (демократическим) или элитарным. Кстати, еще предстоит решить, что именно считать для современной России «передовым образованием»: его европейскую модель (Болонский процесс) или же восстановление и развитие принципов советской и русской высшей школы. Социальный капитал всегда *контекстуален*, зависит от конкретно-исторического контекста.

Следующее различие — между капиталом *дидактическим* (учебным) и освоенным (осознанным), который индивид или группа способны *практически применять*. В конечном счете, ценность некоторого социального капитала определяется (и одновременно возрастает) только в ходе его практического применения. Поскольку практика развивается, ценность всякого конкретного социального капитала постоянно меняется.

Напротив, если социальный капитал своевременно не осваивается, практически не используется (и тем самым не обогащается практикой), он неизбежно стареет. Сколько за последнее десятилетие мы уже имели примеров разработки тех или иных образовательных и иных моделей (так называемых модельных, или пилотных проектов), которые хорошо работали в эксперименте, то есть в специально созданных условиях, но после помещения в контекст нашего общества рассыпались и исчезали. И такое происходило с очень многими проектами, нацеленными на «социальную капитализацию» нашего общества. Неосвоенный и нереализуемый социальный капитал стареет и, в конечном счете, превращается в «отходы». Соответственно и люди, его носители, становятся ненужными, интеллектуальными отходами, или, как их назвал З. Бауман, *wasted people*. Значит, капиталы, произведенные *in vitro* и *in vivo*, различны.

Другая форма омертвления социального капитала — это уход пользователей, включая активистов общественных движений, в виртуальную реальность. Если сопротивление социальной среды слишком велико (на языке социологов, изучающих общественные движения, его социальные и политические возможности минимальны), то активисты отрываются от реальных практик и замыкаются в сетевой коммуникации [7].

Но дело не только в масштабе производства рассматриваемого капитала. Ключевая проблема здесь — это *дистанция* между базовыми потребностями общества и характером производимого капитала. Если общество ориентировано потребительски, если все его институты основаны на парадигме потребительского общества «иметь что и сколько хочу здесь и сейчас», то дистанция, которую надобно преодолеть экологическому знанию и ноу-хау, которые производятся в сетях экологического сообщества, чтобы достичь потенциального потребителя, будет *максимальной*. Здесь развитие социального капитала понимается мною как проникновение (внедрение) экологических знаний и ноу-хау из сферы неформальных экологических сетей в сферу экономических и социальных *институтов* общества и, прежде всего, в такой институт, как рынок. Позитивным примером такого внедрения является международный институт добровольной лесной сертификации (Лесной попечительский совет), успешно функционирующий и в отечественных условиях [12, 17].

Но и это еще не все. Помимо формального проникновения некоторых экологических принципов в законодательные акты и кодексы, существуют еще акты подзаконные (инструктивно-нормативные материалы), а самое главное — правоприменительная практика. Еще больше промежуточных ступеней между экологическим знанием, полученным наукой, и его реальным использованием в практике институтов просвещения и образования. Сегодня, когда мы отмечаем столетие со дня выхода «Вех», напомним мысль Б.А. Кистяковского, что право, как наиболее развитая и почти конкретно осязаемая форма деятельности человека, «играет самую важную <дисциплинирующую> роль. Социальная дисциплина создается только правом» [4, с. 101].

Феномен **релятивности** индивидуального социального капитала проявился эмпирически уже на стадии проведенной мною серии пилотажных опросов. Оказалось, что жесткого разделения на *обменный* и *идентификационный* капиталы не существует. Идентификационный капитал всегда содержит моменты «простого» (рыночного) обмена знаниями и ноу-хау, потому что близость ценностных позиций облегчает обменные процессы. Как отмечали участники опросов, им было сложно определить, о каком именно капитале идет речь при ответе на вопрос о характере «двустороннего общения для профессионального роста с коллегами по совместной работе», так как, по их мнению, в нем практически в равной степени присутствуют и «обмен с кем-либо информацией или другими ресурсами», и «тесная связь с единомышленниками». Далее, оценка и использование информации, полученной в результате «простого обмена», сильно зависит от *доверия* к источнику информации. Вообще, категория доверия здесь играет ключевую роль, что отмечают и западные исследователи: «Доверие, столь важное для вхождения индивида в публичное пространство

(конвенциональных или протестных действий), есть ключевой концепт для объяснения, почему одни типы социальных связей более важны для индивидуального участия в движении, чем другие» [21, р. 41]. В течение многих лет я наблюдаю феномен «между», когда российские активисты одновременно пребывают в институциональных и неформальных сетях или попеременно в одной из них. Наконец, характер ответа респондентов зависит от конкретной ситуации (специфики конфликта, проекта, экспедиции и т. д.).

И наоборот, если между активистом и сетью общественного движения, активистом и государственной организацией налажен устойчивый обмен информацией, то на его основе возникают более тесные, дружеские контакты, когда законы рынка опосредуются более тонкими механизмами: между акторами происходит обмен бонусами или дарами. Поэтому открываемый некоторому зеленому активисту доступ к сети с ограниченным членством очень трудно измерить в обменных (рыночных) терминах. Хорошо также известен феномен сознательной утечки информации, когда *доверительно* сообщенные сведения приобретают значение *обменного* капитала.

И еще одно наблюдение: для России чем дальше от «рыночных» центров, то есть от столиц, тем больший вес имеют личные неформальные контакты, основанные на доверии к единомышленникам и независимым экспертам. Думаю, что эта закономерность присуща и другим развивающимся странам. В частности можно предположить, что, чем более общество авторитарно и потребительски ориентировано, тем выше требуется на него оказывать давление экологического знания-действия для сохранения природы и самого общества. И, наоборот, чем меньше промежуточных звеньев между экологическим движением и государственными структурами, тем выше вероятность экологизации экономики, политики и общественной жизни.

Исходя из сказанного, предлагаю различать *номинальный* и *актуальный* социальный капиталы сетей движения. Номинальный капитал подобен «вещи в себе» и заключен в его сетях, актуальный капитал доступен для использования, переработки, трансляции и т. д.

Социальный капитал: индивидуальный и сетевой

Смысл социального капитала просматривается в понятии *отношения*, поскольку именно они, реализуясь в связях между людьми, создают такого рода капитал. Поэтому большинство западных авторов полагает, что социальный капитал воспроизводится в социальных сетях.

Как пишет Коулман, происхождение социального капитала связано с изменениями в отношениях между индивидами, а его существование — только с наличием взаимоотношений. Важная форма социального капитала — возможность получения информации, которая свойственна социальным отношениям. В отличие от культурного и

человеческого капитала, объективированную структурную основу социального капитала формируют сети социальных связей, которые используются для транслирования знаний и информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения и т. д. «На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала — принадлежность к определенному социальному кругу, или членство в группе» [5]. Измерять социальный капитал можно только через степень включенности в те или иные сети, а также через характеристики этих сетей — их размер и плотность, силу и интенсивность сетевых связей [10].

В анализе социальных сетей выделяются четыре подхода: структурный, ресурсный, динамический, а также нормативный. В рамках структурного подхода изучаются формы (конфигурации) сетей и интенсивности взаимодействий, а для интерпретации результатов используются структурные теории и теории сетевого обмена. Ресурсный подход рассматривает возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей и дифференцирует акторов по их ресурсам. В качестве индивидуальных ресурсов могут выступать знания, здоровье, престиж, богатство, раса, пол. Под *сетевыми ресурсами* понимаются влияние, статус, информация, административный капитал и др. Здесь же широко используются теории социального капитала. Нормативное направление изучает нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети, уровень доверия между акторами и процессы их взаимодействий. Динамический подход акцентирует внимание на изменениях, происходящих в сетевой структуре с течением времени.

Ключевым методологическим принципом данной работы является не только связь, но и изоморфизм социальных капиталов индивида и некоторой (сетевой) общности. Хотя в жизни происходит реальный обмен между индивидуальными и социальными капиталами (скажем, здоровье или знания индивида обмениваются на формы и степень включенности в те или иные социальные сети), для анализа их связей и взаимозависимости необходим общий знаменатель. Таковым является обмен информацией, включающий обмен профессиональной и общекультурной информацией и практическими навыками, или, иначе, знанием научным, общекультурным и социально-технологическим (повседневным).

Задача накопления и использования социального капитала экоактивистом также не проста. Теоретически есть два состояния лидера и его экоструктуры: спокойное (нормальное) и мобилизационное (мобилизация личных ресурсов и межличностных и иных сетей). Однако если мы примем во внимание, что экологическая ситуация в стране и

месте жизни и деятельности активиста, как правило, неблагоприятная и продолжает ухудшаться; что он и его инициативная группа находятся в отчужденном социально-экономическом и культурном контексте [26], а силы, ему противостоящие, значительно превосходят его возможности изменить ситуацию, то «спокойная» ситуация всегда означает для активиста напряжение сил, то есть его спокойно-напряженное состояние. Отсюда, таких типологически основных режимов воспроизводства этого капитала будет три: (1) «спокойный» (теоретическая норма), (2) спокойно-напряженный (реальная норма) и (3) мобилизационный.

Так или иначе, социальный капитал существует только во взаимодействии актора и сети. Бессубъектное существование социального капитала противоречило бы всей эпистемологии социологии постмодерна, где центральным действующим лицом является «свободный актор». Этот индивидуальный (или групповой) актор является одновременно и потребителем, и вкладчиком в этот сетевой капитал. Вот почему вопрос о структуре его сетей приобретает ключевое значение.

Первичная экоструктура как механизм производства социального капитала индивида

Для анализа межличностных сетей конкретного актора необходимы некоторые теоретические инструменты. Таковыми могут служить концепции «первичной экоструктуры» (далее экоструктура) и «индивидуального ресурсного поля», предложенные мною в конце 1980-х гг. [13, 27] и лишь в обозначенном выше проекте подвергшиеся первичной апробации. Дело в том, что требования, предъявляемые современным, быстро изменяющимся обществом к индивиду, делают необходимым наличие некоторого «устройства», которое одновременно повышало бы его когнитивный, культурный и организационный потенциалы и возможности социального действия и ограждало от чрезмерного давления среды. Экоструктура как раз и является таким мультипликатором и защитником этих потенциалов индивида. Повышение индивидуальных возможностей достигается посредством создания сетей для кооперации совместных усилий с другими индивидами (группами), а также для облегчения доступа к коллективным социальным сетям. Эти сети являются также инструментом отбора наиболее эффективных социальных и политических ноу-хау. Возникающая таким образом *устойчивая микроструктура* связей индивида функционирует в режиме концентрации универсального и глобального в местном и индивидуальном.

На стадии начальной модернизации общества городская (территориальная) концентрация — населения, учреждений культуры и сервиса — рассматривалась социологами как базовый инструмент для усиления человеческих возможностей. Однако в ходе дальнейшей

модернизации, особенно при переходе к ее высокой стадии, развитые межличностные информационные сети индивидов стали мощным мультипликатором их когнитивных и деятельностных возможностей. Возник специфический индивидуальный субъект — *сетевой социальный актор*. В ходе своей деятельности он формирует первичную экоструктуру — механизм, обеспечивающий индивиду одновременно накопление жизненных ресурсов и защиту от избыточного давления внешней социальной среды, иными словами, поддержание некоторой *нормы его жизнедеятельности*. Индивид как лидер или активист экологического движения — всегда активное, деятельное начало, тогда как первичная экоструктура — это его инструмент, депозитарий и мастерская.

Концепция экоструктуры корреспондирует с перспективой развития информационных возможностей индивида. Человек середины века «будет с момента рождения находиться в своего рода *информационном коконе* [курсив мой. — О.Я.], выполняющем функции его воспитателя и помощника. Фактически эта оболочка начинает формироваться уже сейчас как индивидуальная информационная поддержка, база данных и знаний. Все усложняясь, она превратится в расширенное продолжение оригинала, помогающее ему в развитии и развивающееся в симбиозе с ним, совершенствуя его интеллект, способности, психологию и физические возможности» [8, с. 20].

Под *нормой жизненного процесса* такого социального актора я понимаю его способность воспроизводить свои физические и интеллектуальные потенции и осуществлять социальные действия без чрезмерного напряжения сил, то есть без прогрессирующего истощения своего ресурсного потенциала. Напомним, что речь идет о процессах, присущих именно активистам социальных движений, а не просто об «адаптации населения» к изменяющемуся контексту.

Такая норма предполагает некоторый *стереотип жизненного процесса*, под которым подразумеваются структуры включения/обособления актора в социальные сети, позволяющие ее реализовать. Подобно процессу материального производства, проходящему определенные фазы, процесс воспроизводства социального актора тоже имеет свои специфические фазы, реализующиеся в структурах ресурсных и коммуникативных связей. Эмпирически данный стереотип выражается в устойчивых (ежедневном, недельном и т. п.) циклах включения/обособления, в чередовании контактов с социальными структурами и дистанцирования от них [1, с. 79]. Однако, как будет показано ниже, он весьма специфичен для лидеров и активистов российского экологического движения.

Наконец, под *жизненным ресурсом* сетевого индивидуального актора я имею в виду совокупность ресурсов, необходимых для поддержания его активности (в данном случае как члена экологического

движения). Можно провести аналогию между рассматриваемыми процессами на индивидуальном, микрогрупповом, уровне и уровне социальных движений, поскольку во всех случаях речь фактически идет о постепенном формировании «индустрии» для воспроизводства некоторого социального актора [23]. Теоретически спектр жизненных ресурсов чрезвычайно разнообразен: одни должны добываться и потребляться ежедневно, другие накапливаются годами и могут расходоваться в течение всей жизни. Для активистов общественных движений такие ресурсы, как публичное научное знание, ситуативная информация, политические ноу-хау имеют особое значение. Однако эффективность их аккумулирования и использования, равно как и весь социально-воспроизводственный процесс, в значительной степени зависит от социального контекста.

Нормативно первичная экоструктура может быть определена как форма организации сетей индивидуального актора, позволяющая ему (в нашем случае, активисту движения) *максимизировать свои жизненные ресурсы* и достигать своих целей, не выходя за рамки нормы жизненного процесса. То есть совмещать развивающие, воспроизводственные и защитные функции.

Функции экоструктуры могут быть рассмотрены под разными углами зрения. С позиций социальной философии индивидуальная экоструктура есть инструмент превращения универсального в локальное и индивидуальное, инструмент, помогающий активистам «снять» сложность и бесконечность окружающего их мира. С позиций экономической науки такая экоструктура есть механизм и контейнер накопления ресурсов, необходимых для поддержания здоровья и интеллектуального потенциала индивида, а в рассматриваемом нами случае — механизм и контейнер накопления и освоения ноу-хау публичного действия для политически и социально активного индивида. С точки зрения социологии экоструктура представляет собой организационную сетевую форму активности, посредством которой актор одновременно адаптируется к изменяющемуся контексту и участвует в его изменении в нужном для движения направлении. Если стереотип жизненного процесса такого актора определить как систему устойчивых (повторяющихся) форм его включения/обособления, то экоструктура может быть названа их «мастерской».

В социально-психологическом аспекте рассматриваемая структура выступает как устройство, обеспечивающее психологическую защиту и эмоциональный комфорт акторов, периодически вовлекаемых в публичную деятельность и находящихся под постоянным давлением отчужденного контекста. Вместе с тем, возникающие в ходе коллективных действий межличностные контакты и конфликты являются стимулом для расширения сферы потребностей активистов, включенных

в данную сеть. Наконец, в культурном плане рассматриваемая структура есть создаваемый ее членами мир культуры с соответствующими ценностными ориентациями и жизненными стандартами. Постоянно включаясь в ходе своей публичной активности в различные субкультуры общества, активисты постепенно формируют собственное пространство культуры и его идентификационное ядро. Они строят этот индивидуализированный мир культуры исходя из непосредственных межкультурных интеракций и из некоторого «отстраненного» видения динамики глобальной экологической ситуации как бы из будущего — глазами своих детей или будущих поколений.

Все эти разные аспекты функционирования экоструктуры сфокусированы на интересах конкретного сетевого актора. Поэтому и его контакты с внешним миром построены по многофункциональному критерию. По сути, экоструктура есть некоторый механизм *междисциплинарного взаимодействия*, в результате которого производится некоторое синергетическое знание-действие.

Дадим теперь краткую характеристику концепции *индивидуального ресурсного поля*, согласно которой контекст деятельности социального актора можно представить в виде континуума ресурсов. На одном полюсе находятся его *внутренние ресурсы*, то есть находящиеся в его полном распоряжении или доступные для быстрой мобилизации с минимальными усилиями. На другом полюсе — *ресурсы-условия*, для мобилизации которых нужно затратить усилия (израсходовать внутренние ресурсы), сравнимые с ожидаемым результатом [13, с. 41–44]. Поэтому контекст деятельности конкретного актора можно представить в виде некоторой совокупности *катализаторов* и *блокираторов*, которые способствуют активности актора или сдерживают ее. Межличностные связи актора и функции его экоструктуры зависят от конкретной конфигурации доступного ему ресурсного поля, которое, в свою очередь, детерминируется наличной структурой политических возможностей [18].

Норма жизненного процесса этого актора может измеряться числом и разнообразием постоянно возобновляемых контактов, необходимых ему для самоподдержания и реализации планируемых социальных действий. Стереотип жизненного процесса, как отмечалось, может быть представлен через типичные устойчивые пространственно-временные конфигурации (графы) сетей этого актора. Поскольку сети, составляющие первичную экоструктуру, центрированы на акторе, на накоплении им социального капитала, они строятся по принципу концентрических кругов: плотная сердцевина и размытая, «пульсирующая» периферия. Ее границы определяются критерием «ресурсного баланса», под которым мы понимаем динамическое равновесие между требуемыми актору ресурсами и усилиями, необходимыми для их приобретения. Достижение баланса зависит от responsiveness или сопротивления среды обитания.

Трансформация социального капитала при переходе к постмодерну

Реально и виртуально социальный капитал существуют в диахронии, в пространствах прошлого, настоящего и будущего. Ускорение и распространение глобализации на всё большие территории ведет к изменению значимости этих пространств в формировании социального капитала актора. Соответственно, изменяется и система связей первичной экоструктуры.

Ускорение изменений имеет множественный эффект. Прежде всего, уменьшается ценность прошлых знаний и умений, так как для выживания в «настоящем» нужны все новые и новые знания. Знание о прошлом становится обременительным, а актуальный социальный капитал — все более контекстуальным, используемым «здесь и сейчас». Соответственно, оперативная память и мышление обретают перевес над стратегическими, технологии адаптации — над критическим разумом. Память как оперативное знание, необходимое для реагирования на все убыстряющийся поток событий, доминирует над памятью как набором устойчивых культурных образцов. Но и с «настоящим» не все в порядке. На осмысление жизненных ситуаций остается все меньше времени, так как они беспрерывно *меняются*. Отсюда психологическая мобильность, способность к быстрому и многоканальному включению/обособлению/селекции поступающей информации становится критически необходимой. Это ускорение изменений порождает соблазн комиксализации, то есть восприятия мира как череды быстро сменяющихся *картинок* с краткими текстовками. Все больше людей не пишут статьи и книги, а ведут ЖЖ, обмениваются СМСками. Блуждание по виртуальному миру в поисках «сверстников», сидение в чатах или блогах занимает все больше времени по сравнению с тем, которое тратится на отключение для размышления, критического анализа и выработки собственной позиции. Что за всем этим стоит? Я думаю, именно глобальный рынок всего и вся («всё на продажу!») формирует у индивидуального актора в качестве императива операциональный, игровой, ситуативный тип (образец) социального капитала (памяти), а также его носителя — первичную экоструктуру. Но мало этого. Рынок формирует релятивный (редукционистский) тип памяти, потому что требует все измерять в рублях/долларах/фунтах. Только та информация ценна, которую можно выразить в деньгах и закодировать в двоичной системе. Другая причина — растущее отчуждение индивида, вызывающее желание иметь «собственную» сеть взаимопонимания и поддержки.

В пределе мы утратим связи актора с историческим прошлым, «капитализация» этого прошлого снизится, и оно трансформируется из *актуального* капитала в *этнографический* или *статусный*, обозначающий принадлежность актора к некоторому сообществу или страте. Это вполне согласуется с ценностями потребительского общест-

ва. Если еще более обобщенно, в пределе мы будем иметь «конец истории», но не по Ф. Фукуяме (весь мир живет по образцу США), а в том смысле, что парцеллизованный мир будет иметь столько «историй», сколько в нем живет людей. Это — лишь теоретическая экстраполяция модели постмодерна. Пока же реальна опасность разделения глобального мира на два: на «проходной двор», некоторую «безмасштабную сеть», где главным капиталом будет всеобщая google-изация, и на мир как застывший социальный порядок, где главным капиталом будет следование некоторой совокупности абсолютных норм и неизменных правил поведения.

Со второй половины 1990-х гг. в российском обществе наблюдаются противоположные тенденции. С одной стороны, гражданское общество становится все более сетевым и открытым миру. С другой стороны, все виды его ячеек, включая головные и зонтичные организации, местные инициативные группы, воспроизводятся все более в отчужденном от человека контексте финансовых потоков и информационных полей. Это в первую очередь касается экологического и правозащитного движений, которые выступают за соблюдение базовых гражданских прав.

Потребительское общество, которое два десятилетия интенсивно формировалось в России его правящей элитой в лице властных и бизнес-структур, использует три стратегии противодействия распространению и практическому использованию экологического капитала как капитала социального. Первая — это использование данного капитала на благо обеспеченного меньшинства, его присвоение *как роскоши*, неважно в форме символов («я живу на Рублевке!») или реальных предметов потребления, как, например, здоровые и безопасные условия среды пребывания. Именно против этой стратегии выступают общественные движения, именуемые движениями за экологическую справедливость и различными модификациями движения за «иную глобализацию». Если риски сегодня неизбежны, то их распределение должно быть как можно более справедливым. Вторая стратегия — это манипулирование экологическими лозунгами и обещаниями для привлечения на свою сторону общественного мнения, победы на очередных выборах и т. д. Третья — это политическая дискредитация производителей и носителей этого капитала как «агентов влияния», «шпионов», «людей, мешающих развитию общества» и т. д.

В заключение обозначу еще несколько аспектов проблемы, связанной с динамикой социального капитала. Первый, собственно *научный* её аспект состоит в том, что теория сетей, в частности экологических, — это не *теория среднего уровня*, трактующая динамику некоторого социального сегмента, а интегральная часть теории социальной динамики, в частности, перехода от «управления» (government) к многостороннему и многоуровневому регулированию

(governance), понимаемому как «особый модус социального взаимодействия, логика которого отличается как от логики рынков, так и от логики правительств» [6, с. 7]. В известном смысле сети многочисленных НПО, предъявляя требования государству, лоббируя и консультируя, представляют собой альтернативу политическим партиям. Второй, *политический* аспект заключен в опасности поглощения «локалистов», выступающих против транснациональных корпораций, на которых государство оказывает растущее давление, — движением «нового русского консерватизма», информационный ресурс которого быстро увеличивается за счет включения в него сетевых ресурсов других национально-патриотических сил [3]. Опасность для экологического движения здесь в том, что выступающие в защиту русской природы национально-патриотические силы не имеют программы экологической модернизации страны. Третий, *социально-технологический* аспект состоит в том, что сети, создаваемые акторами гражданского общества, могут от них отделяться, отчуждаться, становясь предметом купли-продажи, чем, собственно, и обеспокоены лидеры экологического движения. Аналог этого феномена хорошо известен социологам: если изначально опросные сети принадлежали социологическим центрам, то сегодня сплошь и рядом эти сети покупаются у региональных дилеров от социологии или статистики.

Выводы и обсуждение

Сегодня, как и 20 лет назад, Россия находится на перепутье двух типов общества и, соответственно, двух культур: незавершенного индустриализма, то есть первого модерна, и инвайронментализма, то есть экологически рефлексивного второго модерна [16]. Различие же состоит в том, что, если 20 лет назад мы были закрытым, но самодостаточным обществом-государством, в том числе в плане производства социального капитала, то сегодня мы открыты миру и все больше зависим от его интеллектуальных ресурсов и социально-информационных сетей.

За эти годы произошел качественный сдвиг в накоплении социального капитала общественных движений и его мобилизации: от капитала, базирующегося на знаниях и умении российских ученых и активистов, — к капиталу (включая сети как механизм производства и хранения этого капитала), который можно купить за деньги, предоставить в виде гуманитарной помощи и использовать под контролем западных доноров для выполнения конкретных проектов. Этот сдвиг — результат снижения уровня демократии в стране, реализации ультралиберального проекта экономики и растущей зависимости российского гражданского общества не только от западных ресурсов, но и от новых российских социальных кодов и стандартов.

В условиях отчужденного (по отношению к ячейкам гражданского общества России) социального и политического контекста сеть всякого социального движения представляет собой инструмент воспроизводства, сохранения и распространения его социального капитала и тем самым его защиты от избыточного давления «вертикальных» управляющих структур. Давление вертикальных структур заставляет эти ячейки искать поддержки в глобальных сетях. В этих условиях социальный капитал активистов экологических движений накапливается двумя способами: включением в глобальные сети дружественных организаций и созданием собственных сетей, неподконтрольных федеральным и местным администрациям. В таком контексте преобладает стратегия самосохранения экологических движений, ассоциируемая с принципом «ресурсы для дела любой ценой» [25, р. 75]. Самосохранение обеспечивается постоянным обновлением социального капитала посредством изменения конфигурации сетей, смены тактик, включая чередование кооперации и конфликта с властными структурами, приближения к ним и дистанцирования от них; дроблением ячеек движения, множественным членством, постоянным переключением информационных каналов. Чем лабильнее сетевая структура экологического движения, чем выше уровень множественного членства ее акторов, тем устойчивей и дольше живет оно и его первичная экоструктура.

Динамика сетей в этих условиях имеет противоречивый характер. С одной стороны, для продвижения экологических ценностей и практик в общество лидеры и участники экологических движений должны опираться на интернациональные экологические сети и стремиться к проникновению во властные институты общества. С другой стороны, для сохранения движения применяется практика самоограничивающего поведения, избегания глубокого вовлечения в большую политику. Самоограничивающее поведение выражается в слабых связях с неэкологическими движениями и другими акторами гражданского общества, в стремлении вовлечь максимум их активистов в собственные организации и в подчеркивании своей специфики («мы профессионалы, охраняющие природу»).

Рынок оказывает на структуру этих сетей двойственное влияние. Во-первых, рыночный принцип их организации означает разрушение устойчивых социальных общностей и повсеместное распространение «сетей обмена» (transactions, deals), эффективных для мобилизации людей и организаций на массовые кампании, но не предполагающих тесной связи между ячейками гражданского общества. Во-вторых, необходимость сохранять ценностное ядро и соответствующие практики заставляет лидеров сохранять «сети идентичности» (identity networks), представляющие собой замкнутые сети неформальных связей

единомышленников. Это особенно важно для экологических движений, поскольку экологические лозунги и обещания постоянно эксплуатируются силами, весьма далекими от целей общего блага. Такое же двойственное влияние на сетевой капитал оказывают и административные структуры. Обе стороны действуют по принципу «перехвата» (pre-emption): каждая из них старается использовать достижения другой для своей пользы, создать свои «карманные» параллельные или контрдвижения. Кроме того, развитие сетевых общественных движений — это бег наперегонки в стремлении публично обозначить проблему раньше, мобилизовать общественное мнение и привлечь большее число сторонников, заручиться поддержкой авторитетных публичных фигур, экспертных сообществ, международных организаций и т. д.

Необходимо различать процессы функционирования социального капитала в *нормальных* (рутинных, обычных, повседневных) и *мобилизационных* ситуациях. В первом случае этот капитал одновременно и накапливается, и расходуется, то есть соблюдаются балансы включения и обособления, а также связей обмена и идентичности. Такие сети имеют преимущественно горизонтальный характер, в них сохраняются обменные связи с другими ячейками гражданского общества.

В мобилизационных условиях (прежде всего, в массовых кампаниях) социальный капитал экологических движений центрируется на решение конкретной проблемы; он, прежде всего, расходуется, и обменный баланс резко сдвигается в сторону «включения». Сети экологических движений приобретают вертикальный, центрированный на *лидера* характер, мобилизуются «сети идентичности», которые и стремятся действовать «на опережение» противостоящих сил.

Вхождение в информационное общество в принципе означает: глобализацию сетей и государства, и гражданского общества, перемещение регулирования общественной жизни в виртуальную сферу, индивидуализацию накопления социального капитала, то есть возникновение все новых первичных экоструктур. *Сетевая* аккумуляция социального капитала становится *всеобщим принципом*. Но параллельно будут происходить те же процессы, что происходили и ранее в обществе *капиталистического модерна*: накопление социального капитала в одних руках и его изъятие из других, разделение сетей на элитарные и массовые, закрытые и открытые и т. д. Им противостоят существующие на Севере и Юге движения «иног» глобализма, за экологическую справедливость и им подобные. Уже сегодня сетевые организации гражданского общества, действующие по всему миру, оказывают реальное позитивное воздействие на экологическую обстановку в самых разных странах.

Вхождение России в информационное общество будет идти параллельно со сменой элиты (лидеров) его гражданского общества. Эта смена заключается не только в уходе с публичной арены лидеров

харизматического типа и их замены на более прагматичных, но и в размежевании всего экологического движения на «транснационалов», стремящихся экологизировать производство и сознание в соответствии с международными стандартами, и «локалистов», отстаивающих базовые права и свободы местных сообществ и защищающих местные ландшафты от натиска транснациональных корпораций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. *Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–75.
3. *Зверева Г.* Националистический дискурс и сетевая культура // *Pro et Contra*. 2005. Т. 9. № 2(29). С. 25–40.
4. *Кистяковский Б.А.* В защиту права (интеллигенция и правосознание) // *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции (репринтное издание 1909 г.)*. М.: Новости, 1990. С. 101–130.
5. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
6. *Кустарев А.* Кем и как управляется мир // *Pro et Contra*. 2007. № 6 (39). С. 6–19.
7. *Мардарь И.Б.* Виртуальная экология гражданского общества // *Социологические исследования*. 2009. № 5. С. 133–138.
8. *Нариньяни А.* От homo sapiens к eHOMO // *Новая газета*. 2009. 8 мая. С. 20.
9. *Полищук Е.А.* Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика*. 2005. № 1.
10. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–33.
11. *Стрельникова Л.В.* Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 123–139.
12. *Яницкая Т.О.* Практическое руководство по выделению лесов высокой природоохранной ценности в России. М.: Всемирный фонд природы (WWF), 2008.
13. *Яницкий О.Н.* Человеческий фактор и социально-воспроизводственные процессы // *Рабочий класс и современный мир*. 1986. № 4(94). С. 33–48.
14. *Яницкий О.Н.* Экологическая парадигма как элемент культуры // *Социологические исследования*. 2006. № 7. С. 83–93.
15. *Diani M.* Social Movements and Social Capital. A Network Perspective on Movement Outcomes. *Mobilization*. 1997. No 2. P. 129–147.
16. *Ianitskii O.* Industrialism and Environmentalism: Russia at the Watershed Between Two Cultures // *Sociological Research* January-February. 1995. Vol. 34. No. 1. P. 48–66.
17. *Jorgenson A.K.* Political-economic Integration, Industrial Pollution and Human Health: A Panel Study of Less-Developed Countries, 1980–2000 // *International Sociology*. 2009. Vol. 24. No. 1. P. 115–143.

18. *Kriesi H.P.* The Political Opportunity Structure of New Social Movements: It's Impact on Their Mobilization // *The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on States and Social Movements* / Ed. by J.S. Jenkins, B. Klandermans. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1993.
19. Obama's Plan to Stimulate the Economy. 2009 // Official Site of Barack Obama [online]. Date of access 15.11.2009. URL: <<http://www.barackobama.com/>>.
20. *Offe K.* *Modernity and the State: East, West.* Cambridge: Polity Press, 1996.
21. *Passy F.* Social Networks Matter. But How? // *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action* / M. Diani, D. McAdam. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 21–48.
22. *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action* / Ed. by M. Diani, D. McAdam. Oxford: Oxford University Press, 2003.
23. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays* / Ed. by M.M. Zald, J.D. McCarthy. New Brunswick: Transactions books, 1987.
24. *Weigle M., Butterfield J.* Civil Society in Reforming Communist Regimes. *Comparative Politics*. 1992. Vol. 26. No. 1.
25. *Yanitsky O.* The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues // *Society and Natural Resources*. 1996. No. 9. P. 65–76.
26. *Yanitsky O.* The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia // *International Sociology*. 1999. Vol. 14. No. 2. P. 157–172
27. *Yanitsky O.* Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City // *Cities and Ecology: The International Expert Meeting.* Souzdal, September 24–30, 1984. M.: Nauka Publishers, 1988. P. 54–57.